

СЛОВО ЖИВОЕ
И МЕРТВОЕ

предисловие
Максима
Кронгауза

НОРА

ГАЛЬ

МИОО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВКУС ЯЗЫКА, ИЛИ МАСТЕР-КЛАСС РЕДАКТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА	7
---	---

СЛОВО ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

ДЛЯ ЯСНОСТИ	19
1. БЕРЕГИСЬ КАНЦЕЛЯРИТА!	23
Откуда что берется?	23
Жечь или сушить?	34
Словесная алгебра	43
А если без них?	51
Куда же идет язык?	85
Мертвый хватает живого	104
Туманы... ..	116
Не своим голосом	124
Веревка — вервие простое	138
2. КАК КОШКА С СОБАКОЙ	147
Мистер с аршином	147
На ножах	156
«Свинки замяукали»	167

3. И ГОЛОВА, И СЕРДЦЕ НА МЕСТЕ?	182
Предки Адама	182
Когда глохнет душа	193
Сотри случайные черты...	203
4. БУКВА ИЛИ ДУХ?	219
Мадам де Займи и другие	219
Буква...	229
...Или дух?	241
Кто мы и зачем мы?	258
SOS!	268
5. ПОКЛОН МАСТЕРАМ	276
Уходя, оставить свет — это больше, чем остаться	276
Открытие Хемингуэя	279
Многоликость таланта	308
От миссис Уоррен до Маугли	317
От Джойса до Голсуорси	325
Свет и сумрак Фицджеральда	339
Музыка перевода	351
ПЯТЬ ЧУВСТВ — И ЕЩЕ ШЕСТОЕ	361

СТАТЬИ НОРЫ ГАЛЬ

ПОД ЗВЕЗДОЙ СЕНТ-ЭКСА	369
Список примечаний	379
ПОМНЮ...	383
Список примечаний	396

ВКУС ЯЗЫКА, ИЛИ МАСТЕР- КЛАСС РЕДАКТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА

В XX веке есть две книги о русском языке, которые с полным основанием можно назвать если не великими, то большими в различных смыслах: в смысле известности, в смысле уважительного отношения к авторам, в смысле отклика и обсуждения, в смысле влияния на общество, что, в частности, подтверждается количеством переизданий. Их часто ставят рядом, что неудивительно, если учесть определенное сходство: обе появились во второй половине XX века, обе написаны не лингвистами, а литераторами (точнее было бы сказать, людьми литературы), обе

наполнены любовью к русскому языку и ненавистью к канцеляриту, и даже в их названиях заметна переключка. Речь идет, конечно же, о книгах «Живой как жизнь» (1962) Корнея Чуковского и «Слово живое и мертвое» (1972) Норы Галь. Однако если прочесть эти тексты внимательно, окажется, что их сходство значительно более поверхностно, чем различие. По сути, даже темы у них разные. Корней Чуковский пишет об изменении русского языка и о том, как к этому относиться. А Нора Галь пишет о языковом вкусе (можно сказать, и стиле) и о том, что у кого-то он есть, а у кого-то — совсем нет. Чуковский пишет весело, постоянно подмигивая читателю, а Галь всегда серьезна, а местами даже пафосна.

Но довольно сравнений, «Слово живое и мертвое» заслуживает самостоятельного и подробного анализа!

Эта книга — своеобразный мастер-класс редактора и переводчика, причем в первую очередь редактора, поскольку в основном речь в ней идет о качестве русского языка либо как языка, на который переводят, либо вообще вне перевода. Сама Нора Галь ставит эту профессию очень высоко:

«В идеале редактор — первый страж чистоты языка».

Собственно, в течение мастер-класса она приводит огромное количество неудачных фраз на русском языке, встречавшихся в переводах или в оригинальных текстах и исправленных редактором или неисправленных и попавших-таки в печать. Автор цитирует не только неудачную фразу, но и предлагает один-два варианта ее исправления. Примеров поразительно много, и часто они берутся из собственного редакторского или переводческого опыта самой Норы Галь, что, впрочем, вполне понятно:

«Да простятся мне ссылки на личный опыт, но ведь себя редактируешь больше, чем кого-либо другого, и чужую “кухню” не знаешь так подробно, до мелочей, до последней запятой. Такой опыт куда нагляднее отвлеченных рассуждений».

Иначе говоря, мы, читатели, попадаем на кухню к мастеру и вместе с ним шаг за шагом отсеиваем негодные слова. Иногда их негодность вполне очевидна, это типичные стилистические ошибки, которые, как нам кажется, мы бы выловили и без помощи редактора.

Вот пример такой очевидной нелепости, что отмечает и сама Нора Галь:

«“Не задавай наивных вопросов, мы не дети”, — с явной интрижкой ответил... другой герой того же романа. Поневоле усомнишься: да понимал ли автор смысл слова, которое вывела его рука? Может быть, герой отвечал с ехидством, с подковыркой, намекал на какую-то интрижку? Но отвечать с интрижкой до сих пор по законам русского языка было невозможно (смотри любой словарь)».

Иногда же неправильность еле ощутима. Это скорее не ошибка, а неточность или речевая неловкость, и здесь поразительны и сам факт ее обнаружения, и легкость ее исправления.

Вот, например:

«...Сердце ее сжималось, и подкашивались колени» — ошибка довольно частая. Но ведь колени подгибаются! Подкашиваются — ноги!»

А я, лингвист, пожалуй, прошел бы мимо «подкашивающихся колен», но вот когда мне всё объяснили, я, конечно, негодую вместе с мастером.

Или вот еще:

«В переводе герой “...был весел, буквально места себе не находил, шутил, сыпал остротами”. Нет, если человек весел, ему, возможно, не сидится на месте, не находит же себе места тот, кому тревожно, тоскливо, кого что-то мучает».

Это уже и не стилистика вроде, а психология или, точнее говоря, психология, выраженная в стилистике.

Но есть и другие примеры, и я не могу их не упомянуть. Это когда уже после объяснения мастера я, читатель, стою с открытым ртом и по-прежнему не понимаю, что же плохого было в исходной фразе. Вот длинная, но очень важная цитата:

«И вот скромные домашние хозяйки, трехлетние карапузы, неграмотные индейцы, дворяне, бюргеры, бедняки, бродяги, легкомысленные девчонки — все без разбору, во все века и эпохи, при любом повороте судьбы, в горе, радости и гневе, объясняясь в любви, сражаясь и умирая, говорят одним и тем же языком:

“Передо мной встает проблема...”

“Это был мой последний шанс...”

“В этот роковой момент...”

И читатель не верит им, не видит и не ощущает ни радости, ни горя, ни любви. Потому что нельзя передать чувство языком протокола. Вот тут и должен стоять на страже редактор! Нет, не писать за переводчика, а просто отметить слова-канцеляризмы грозной редакторской галочкой на полях. Ведь любому грамотному человеку нетрудно самому избавиться от этих словечек, найти простейшую замену:

“Передо мной трудная задача...”

“Это была моя последняя надежда...”

“В эту роковую минуту...”».

Я, конечно, же не спорю с тем, что домашние хозяйки, трехлетние карапузы и дворяне должны говорить по-разному. Я лишь о том, что не стал бы помечать слова *проблема*, *шанс* и *момент* грозной галочкой на полях и называть их канцеляризмами. Это, очевидно, спор не на равных. Я не редактор, и, возможно, мой языковой вкус, языковое чутье просто-напросто уступают вкусу Норы Галь. Есть и более щадящий для меня вариант. Все-таки с момента публикации прошло более полувека, и за это время неуклюжие слова могли решительно войти в язык и обосноваться в нем.

Но и здесь Нора Галь не пощадит современного критика:

«И опять мы слышим знакомое оправдание: “Это вошло в язык”. Да ведь потому и “вошло”, что мы плохо защищаем чистоту нашей речи! Ведь и “шанс”, “проблема”, “момент”, “ситуация” тоже многие говорят на каждом шагу, к месту и не к месту — и это очень печально!»

В этих словах мне слышится уже голос не столько редактора, сколько настоящего советского интеллигента (при этом одно совершенно не исключает другого), хранителя великой культуры даже в самые сложные для нее времена. Даже проигрывая, советский интеллигент не будет уступать, то есть не будет обращать внимание на изменения, происходящие в языке, если они противоречат языковому вкусу. Интеллигент, как и редактор в вышеприведенной цитате, — «страж чистоты языка», только не первый, а, пожалуй, последний.

Отсюда, кстати, и отсутствие чувства юмора в книге «Слово живое и мертвое», хотя вроде бы материал к этому располагает. Слишком высоки ставки, слишком серьезна борьба, слишком близко поражение. Вот как сама Нора Галь объясняет неуместность юмора:

«Вероятно, особого разговора требуют переводы, выходящие в областных и республиканских издательствах. Тут, случается, роман классика напоминает известную рубрику “Нарочно не придумаешь”: “Молодой человек с кремовыми пирожками”, “У него остановилось биться сердце”, “С него соскочило затмение чувств”, “Переулочек неожиданно загнулся”... Один читатель прислал ворох этих выписок, причем извинился, что не может прислать всю книгу: он “угощает” ею друзей, “когда хочется пошутиться вволю”. Чувство юмора у читателей драгоценно, но мне, профессионалу, не смешно. Ведь этот, прошу прощения, бред издан сотысячным тиражом! И подобное издается поныне».

Я неслучайно употребил здесь слово «поражение». Интеллигент, к сожалению, обречен на него, потому что защищает идеалы в законсервированной форме, а история языка, в том числе и русского, показывает, что язык всегда меняется, только скорость этих изменений в разные эпохи может значительно различаться. Нора Галь умерла в 1991 году, то есть в самом начале того десятилетия, которое стало роковым для русского языка. Точнее было бы сказать, для языка советской интеллигенции и самой Норы Галь. Можно сказать, что во многом она не угадала развития языка, а интеллигенция в целом не смогла «защитить» его, хотя, по-видимому, хотела.

Приведу еще один пример, ярко демонстрирующий сказанное.

«Зачем загадывать читателю загадки? Вот некто “присел на корточках у фондю, в которой что-то шипит”. Что за штука этот урод “фондю” и с чем его едят? Во французско-русском словаре такого не нашлось, в “Ларуссе” это — изысканное, хотя и скороспелое блюдо из сыра со специями. Но необязательно же нам разбираться во всех тонкостях кухни всех стран. И не лазить же по словарям не одного — нескольких языков, если у того же автора на другой странице едят “суп и стейк”! И зачем кокетничать стейком, если у нас уже давно “прижился” бифштекс?»

Как это все напоминает дискуссию о переводах еще одной великой переводчицы, Риты Райт-Ковалёвой, которую современные читатели упрекали за слово *сырники*, появившееся в рассказе Дж. Сэлинджера «Зуи» вместо *чизбургера*! Нужно только обратить внимание на различие векторов дискуссии. Риту Райт-Ковалёву атакуют критики-потомки из XXI века, а Нора Галь сама, может быть не вполне осознанно, наносит упреждающий удар по этим лишенным языкового вкуса потомкам. Не хочу становиться арбитром в этом споре, но приходится признать, что и *чизбургер*, и *стейк* по-разному видятся и оцениваются из середины прошлого века и начала нынешнего, и упрекать Райт-Ковалёву за выбор *сырника* нелепо. А вот когда Владимир Набоков в собственном переводе на русский язык «Лолиты» вместо слова *джинсы* использует выражение *синие ковбойские панталоны*, это выглядит странно, если не сказать смешно, хотя он тоже таким образом защищает «свой русский язык», в котором нет слова *джинсы*. Комический эффект возникает потому, что в язык современных ему читателей в СССР

это слово вошло, а вот *панталоны* уже катастрофически устарели и никак не сочетаются с *ковбоями*.

Роль консерваторов в этом великом и бесконечном споре, безусловно, огромна и, увы, трагична. Нора Галь могла не любить слов *фондю* и *стейк* в 1970-х годах, но сегодня слишком сильные выражения «урод *“фондю”*» и «*кокетничать стейком*» вызывают скорее улыбку.

Чтобы усилить эту трагическую нотку, возникающую в связи с потерей идеала и внезапно наступающим нежеланным и разрушительным будущим, приведу еще одну цитату:

«Говорят, нынешнему реальному “электронному переводчику” задали перевести: 1) out of sight, out of mind; 2) the spirit is sound, but the flesh is weak. И машина перевела: 1) незрячий идиот; 2) водка хорошая, но мясо протухло.

Даже если этот кибернетический анекдот — всего лишь анекдот, в нем заключена серьезная истина. Еще очень-очень скоро машина сумеет заменить живого переводчика — если вообще сумеет».

Стоит ли говорить, что сегодня и «Яндекс», и «Гугл» переводят эти фразы правильно и вообще переводы нейронных сетей порой превосходят человеческие. Человек перестает быть венцом природы, но не может с этим согласиться. Машина все чаще и все лучше заменяет человека, и это происходит трагически «скоро».

Для автора книги «Слово живое и мертвое» точность и ясность языка ценны не только сами по себе, но и потому, что отражают что-то более глубинное и неизменное. Объяснить это лучше и красивее Норы Галь все равно не получится, поэтому в который раз обращаюсь к цитированию. В последнем разделе книги, «Пять

чувств — и еще шестое», буквально говорится следующее: *«шестое чувство — великий дар правды»*. И чтобы уже ни у кого не оставалось никаких сомнений, последняя фраза книги такова:

«И этот дар, дар правды и человечности — самый главный для каждого, чье орудие — СЛОВО».

Великий труд Норы Галь остается великим и в двадцать первом веке. Разбор огромного количества примеров актуален и сегодня и будет интересен современному читателю.

Да и сама проблема (да простит меня Нора Галь!) отношения к языку, его изменениям, пусть и на совершенно новом материале, остается одной из самых обсуждаемых и болезненных в нашем культурном пространстве. А на вечные вопросы мы всегда будем отвечать по-разному.

М. А. Кронгауз